

нитивную, причём оппозиция значений у первой из них и независимой ослабела. Такой тип генитива-адъектива не единичен в индоевропейских языках. Аналогичным образом соотносятся номинатив и генитив в древнеирландских именах *imb/imbe* 'масло' (< **n-gʷn/ n-gʷéns*), *ainm/anme* 'имя' (< **Hn-mn/ Hn-méns*). Древнепрусский номинатив *emmens/emnes* восходит к аналогичному архетипу: **Hn-méns* с аблаутным вариантом **Hn-mn-és*⁴. Древнепрусско-ирландская параллель наглядно показывает, как единая форма может переосмыслиться в качестве именительного и родительного падежей. Количественный аблаут свидетельствует о том, что оппозиция субъекта и атрибута — явление довольно архаическое. Эта оппозиция и сформировала различие номинативов *vis/vés*.

ЛИТЕРАТУРА

- Иванов Вяч. Вс. Прус. *emnes, emmens* 'имя': иерогл. лув. *atimaza*: хетт. *láman* // Балто-славянские исследования 1982. М., 1983
- Красухин К. Г. О некоторых морфосинтаксических архаизмах (на материале гомеровских и ведических формул // Классические языки и индоевропейское языкознание: Сборник статей по материалам чтений, посвященных 100-летию со дня рождения профессора Иосифа Моисеевича Тронского. СПб, 1998а
- Красухин К. Г. Акцентология в предьстории индоевропейских языков // Вопросы языкознания, 1998b, N 6
- Красухин К. Г. Аспекты индоевропейской реконструкции: Акцентология. Морфология. Синтаксис. М., 2004
- Beekes R. S. P. Introduction in the historical and comparative linguistics. Amsterdam; Philadelphia, 1995
- Eichner H. Die Etymologie von hethitischen *mehur* // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft, 1973, Hf. 31
- Lexicon der indogermanischen Verben / herausgeg. H. Rix. Innsbruck, 2000
- Meier-Brügger M. Indogermanische Sprachwissenschaft. Berlin; New York, 2002 (8-te Aufl.)
- Narten J. Zum proterodynamischen Wurzelpräsent // *Prätidānam: Studies to honor F. V. J. Kuiper*. Hague, 1968
- Rix H. Historische Grammatik der griechischen Sprache. Darmstadt, 1976
- Schindler J. Zum hethitischen *nekuz* // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*, 1967, Bd. 81

⁴ Вяч. Вс. Иванов [1983] сравнивает с прусс. *emmens* лувийское *atimaza* «имя», полагая здесь праформу **atimans*. Но, опираясь на данные только анатолийской фонетики, невозможно точно определить степень вокализма в суффиксе.

А. И. Кузнецова

СИНКРЕТИЗМ ЗНАЧЕНИЙ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНОВ РОДСТВА И СВОЙСТВА В НЕКОТОРЫХ УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Термины родства и свойства не одно столетие привлекают к себе внимание представителей разных наук, в первую очередь, — этнографов и лингвистов. Данная группа слов интересна языковедам не только с грамматической (в частности, — со словообразовательной) точки зрения, но и с семантической, опирающейся на материалы этнографии и социологии. В ней нашли отражение многие понятия, значимые для разных этнических групп, представления о социальной организации того или иного этноса. Даже самое поверхностное описание номенклатуры родства и свойства в некоторых уральских языках позволит, как я надеюсь, акцентировать внимание исследователей на новых возможных трактовках уже известных фактов. Анализируя эти факты под другим, чем это делалось раньше, углом зрения, находя специфические черты терминологии родства в языках и диалектах уральской семьи, можно создать, таким образом, основу для типологического рассмотрения данного лексического поля в пределах этой семьи. Типологические исследования последних лет показывают, что имена родства и свойства могут развивать сходные производные значения и проходить параллельные пути развития в самых разных языках¹. Но чтобы выявить это, необходимо подвер-

¹ Попытку сравнения кетской (енисейская семья языков) системы родства с системами кроу-омаха, гавайской, ирокуа-каддо (ирокезской), суданзийской и эскимосской предпринял недавно А. Ю. Казанцев, обнаружив частичные пересечения с ними кетской системы родства [Казанцев 2004: 24, 63-65]. Было обращено также внимание на сходство по ряду признаков терминов родства и свойства с некоторыми другими словами (типа слуга,

гать рассмотрению «не отдельный термин, а совокупность отношений, которые и определяют историю каждого термина. ...Больше, чем какая-либо иная группа лексем, термины родства требуют комбинированного использования двух методических приемов: структурного подхода к номенклатуре в целом и уровневого подхода к каждому языку и каждому конкретному обществу» [Бенвенист 1995: 180].

Можно предложить несколько параметров и использовать их при сопоставлении терминов родства и свойства в разных финно-угорских и самодийских языках (не ставя перед собой в данной статье цели провести сплошную выборку материала по всем уральским языкам).

Грамматические особенности терминов родства и свойства

С *деривационной точки зрения* термины родства и свойства могут быть разделены на три типа: простые, сложные слова и словосочетания. Рассмотрение терминов родства и свойства, представленных в виде композит, не отделимо от изучения их в сопоставлении с простыми словами и словосочетаниями в данном лексико-семантического поле.

Сложные слова, о выделении и разновидностях которых ведутся бесконечные споры, начиная едва ли не со времени появления лингвистики как самостоятельной науки, существуют во многих языках мира. Способность создавать сложные слова из отдельных самостоятельных слов характерна для всех индоевропейских языков, в том числе — для санскрита. Среди сложных слов индийские грамматики различали четыре основных класса композит, наименования которых со временем превратились в общелингвистические термины: *tatpuruṣa* (с подклассом *karmadhāraya*), *bahuvrīhi*, *dvigu*, *dvandva* и *avyayībhāva*. Ж. Марузо в «Словаре лингвистических терминов» слова типа *dvandva* называет соединительными сложными словами, подразумевая под этим, что они «образуются из слов, значения которых сочетаются друг с другом» [Марузо 1960: 277-278] (т.е. слова относятся к одному тематическому полю — А.К.). По словам Т. Барроу, класс *dvandva* (как, впрочем, и *avyayībhāva*), слова которого испытывали изменения в разные исторические периоды

раб, друг, враг) [Бенвенист 1995: 220-236], которые относятся иногда к релятивным именам [Журильская М.А. Об именах релятивной семантики в системе языка // Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1979, т. 38, вып. 3].

развития санскрита [Барроу 1976: 204-207], — «в основном явление специфически индийское» [Барроу 1976: 197]. Автор указывал на их специфику прежде всего по сравнению с другими индоевропейскими языками. В своей книге «Санскрит» Т. Барроу относит двандва к сложным словам, внутри которых по ряду признаков (как смыслового, так и грамматического характера) можно выделять сложные слова со значением собирательности, типа *ahorātra* и *ahas-rātra* 'сутки' (букв. 'день+ночь'), *pāṇipāda* 'конечности' (букв. 'руки и ноги'); есть подобные слова и в группе имен родства: санскр. *pitāputrāḥ* 'отец и сыновья' [Барроу 1976: 205-206].

Словосложение подобного вида, по словам В.А. Кочергиной, «адекватно синтаксической конструкции с сочинительной связью» [Кочергина 1970: 360]; «*dvandva* функционально аналогичны синтаксическим конструкциям с союзом *ca*» [Кочергина 1990: 194]. Перечисленные классы сложных слов встречаются не только в индоевропейских языках, но и в языках других языковых семей, в том числе — в уральских, и в них слова типа *dvandva* (букв. 'два и два') обладают своими особенностями по сравнению с другими типами композит и в сопоставлении с санскритскими двандва, о чем будет говориться в дальнейшем. В финно-угроведении термины родства и свойства, образованные по типу двандва, называются обычно парными и пишутся через дефис (подобно составным словам русского языка *диван-кровать*, *плац-палатка*). Парные слова могут рассматриваться как переходное явление между простым соположением двух слов в Nom. (*tatpuruṣa*) и превращением их постепенно в сложное слово с возможными изменениями в его фонетическом и грамматическом облике, а также в семантике. При семантическом переосмыслении слов, входящих в состав парного слова, может произойти нейтрализация их значений и возникнуть смысловой синкретизм, сопутствующий утрате каждым элементом парного слова своей семантической независимости. Парных слов очень много в пермских², волжских языках, в обско-угорских, меньше в самодийских и прибалтийско-финских.

При образовании двандва обращает на себя внимание наличие определенных *правил расположения основ внутри сложного слова*.

² В группе пермских языков выделяется язык бесермян, практически не имеющий парных слов, в то время как в удмуртском и коми-зырянском их очень много.

Эти правила оказываются различными для слов двандва в языках разных языковых семей. Так, В. А. Кочергина отмечает, что в санскрите внутри сложного слова «основы, начинающиеся с гласной, занимают первые места, основы с меньшим количеством слогов предшествуют многосложным, названия времен года следуют в их естественном порядке, названия варн (каст) располагаются начиная с высшей, *перечисление родственников начинают со старшего* (курсив мой — А. К.) и т. п. Сложение, особенно dvandva, может встретиться внутри других типов сложных слов» [Кочергина 1994: 185]. Совершенно иная картина открывается при рассмотрении двучленных двандва в финно-угорских и самодийских языках (многочленных, подобных санскритским, не встречается, в связи с чем они и называются парными).

В структуре парных слов в ряде уральских языков допустимы нерелевантные изменения, а именно: возможны перестановки компонентов парного слова местами без изменения при этом его значения собирательности³. Причем, в отличие от санскритских правил расположения членов двандва, в парных словах группы родства и свойства нет четко выраженных регуляторов местонахождения их компонентов (ни фонетических, ни семантических). Любой из двух членов парного слова может вызвать по ассоциации слово-синоним того же смыслового гнезда, приведя к появлению вариативных форм.

Особенно много подобных метатез в группе парных имен родства в пермских и волжских языках. Так, в к.-з. значение 'родители' имеют сочетания *бать-мам / мам-бать* (букв. 'отец-мать' или 'мать-отец') и *ай-мам*, где первый компонент в настоящее время означает 'самец', а значение 'отец' устарело и сохранилось лишь в приведенном парном слове (см. «Коми-русский словарь» под ред.

³ Подобные слова в русском языке (как правило, они не имеют значения собирательности), допускающие метатезу корней в сложном слове без изменения при этом значения всего слова, — раритеты, которые можно пересчитать по пальцам, напр., диалектное блюдолиз и просторечное лизоблюд; зубоскал и скалозуб, из которых второе слово считается уже устаревшим [Словарь современного русского литературного языка. Т. 13. — М.-Л., 1962: 886]. В древнерусском языке были слова *сырохлѣбници* и *хлѣбосыръници*, соответствующие оба греч. ἀρτοφῶριται [Срезневский И.И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. Т. III. — СПб, 1903: 1371 и 258], но первое — это название секты, а второе — ереси. При калькировании с греческого писцы нередко допускали метатезы, что и отражено в слове *сырохлѣбници*.

В. И. Лыткина. М., 1961), эквивалентном слову 'бать-мам'. В к.-п., где также есть парное слово *ай-мам* 'родители', *ай* сохранилось в современном языке в обоих значениях — 'отец, папа' и 'самец'; ср. удм. *анай-атай / атай-анай* = *мумы-бубы / бубы-мумы*, а также *мумы-айы* и *айы-мумы* и *бубы-нэнэ* 'родители' (букв. 'мать-отец' или 'отец-мать'). В последней паре приведенного ряда вариантов второй компонент *нэнэ* означает еще 'мама', а также 'тётя, мамаша' при вежливом обращении к женщине. Это парное слово Удмуртско-русский словарь 1983 г. с метатезой компонентов не дает. Мар. *ача-ава* (г.-мар. *äтя-äва*) 'родители' (букв. 'мать-отец') допускает перестановку частей парного слова *ава-ача* (г.-мар. *äва-äтя*). В парных словах такого типа в марийском часто происходит стяжение гласных: *ача-ава > ачава* (ПМА⁴ 2001). Возможны стяжения в парных словах и в других языках.

В сельк. языке структура термина родства со значением 'родители' иная. Вместо парного слова типа *эту-эсу* 'родители', что изредка можно встретить в текстах фольклора, обычно употребляется существительное со значением 'отец' или 'мать' в сочетании с этими же словами в адъективной репрезентации и возможной перестановкой самих словосочетаний: *этыл' эсу / эсыл' эту* 'родители' (*эту* 'мать', *эсу* 'отец') [Очерки 1980: 367]. Однако сочетания адъективной и субстантивной форм существительных, обозначающих определенную совокупность лиц (родителей), едва ли не чаще заменяются словами в форме адъективной репрезентации со значениями 'мама' или 'папа' и неопределенным местоимением *ту* 'некто, подобное чему-то,' в Du (показатель *-qāqī* или *-qī*): *ата-1' -ту-qāqī* или *апал' -ту-qāqī* 'родители' [Очерки 1980: 168, 295; Кузнецова 2001: 218]. Возможен также вариант *амал'мыт* и *апал'мыт* с тем же значением собирательности. В последних примерах речь может идти об опрощении основы слова и превращении *-ту* в суффикс. В таком случае следует говорить о термине родства как о простом слове с точки зрения его структуры наряду со словами *ата, ара, эту, эсу* и др.

В языках данной группы слов существуют различные стратегии передачи грамматических категорий простых, сложных (парных) слов и словосочетаний.

⁴ Полевые материалы собирались в ходе экспедиций к селькупам благодаря грантам РФНФ № 02-04-18019е и № 03-04-18007е, а в остальные районы проживания финно-угорских народов — за счет финансирования летней практики студентов МГУ.

По сравнению с простыми словами и словосочетаниями парные слова терминов родства имеют свои особенности в системе склонения.

Показатели падежа часто (но не всегда и не во всех языках) инфигируются внутрь парного слова, разрывая его; иными словами, каждый компонент парного слова может склоняться: к.-з. *баитны ай-көд-мам-көд* 'поговорить с отцом-матерью' (-көд — показатель Com.); мар. *ача-дыме-ава-дыме* 'сирота' (букв. 'без отца — без матери'). В марийском возможен также вариант оформления показателем Abess. -дыме только второго компонента парного слова: *ача-ава-дыме* 'сирота'. То же самое встречается в г.-мар. В отличие от лугово-восточного марийского, где во многих диалектах данный падеж (по свидетельству Г. М. Тужарова [Тужаров 1983: 173]) отмирает, в г.-мар. абессив выступает живым и продуктивным падежом, используемым в горномарийской литературной норме: *äтя-äвадеок* 'без отца-матери' (-де / те — показатель Abess.). Особенно активно склоняются обе части слов двандва в удмуртском языке. Как отмечает Энико Сий, среди 15 падежей удмуртского языка только Approximativ и Terminativ никогда не употребляются с терминами родства [Сий 1998: 117]. Слово со значением 'родители' обычно употребляется в Sg: удм. *анай-тэк-атай-тэк корка ям-тэк* (пословица) 'без родителей (букв. 'без матери — без отца') изба не красна' (-тэк показатель Car.); *ныл-ын — пи-ен* 'с детьми' (букв. 'с дочерью — с сыном'; — *ен* показатель Instr.).

Парные слова (не только термины родства, но и свойства) со значением собирательности оформляются как падежами, так и послелогоми. Напр., в удмуртском используются послелого, отвечающие на вопрос 'куда?' (*доры*), 'где?' (*дорын*), 'откуда?' (*дорысь*). Сочетанию с этим послелогом соответствует Elativ) и т. д. (примеры см. ниже). Термины родства в разных падежах могут выступать в роли дополнений, обстоятельств, определений.

Специфичным в некоторых языках является *употребление притяжательности* (посессивности) в парных словах родства; особенность заключается в том, что иногда оформляется слово в целом, а не каждый из составляющих его компонентов: мар. *Мый ача-ава-м-ам* (родители-PxSg-AccSg) *йоратым* 'Я моих родителей люблю' [ПМА 2000]. Если при каждом компоненте в данной фразе используется показатель посессивности, то этим подчеркивается

отношение говорящего к каждому из родителей ('люблю моего отца и мою мать'). В эрз. лично-притяжательным суффиксом оформляется каждый член парного слова: *Кить сон-зэ тетя-нзо-ава-нзо?* 'Кто его родители?' (букв. 'отец-мать'). Суффикс -нзо употребляется при указании на одного обладателя и многих обладаемых.

Оформление *категории числа парных слов* имеет свою специфику в зависимости от языка и от семантики парного слова. Так, если в приведенном выше удм. примере *ныл-ын — пи-ен* 'с детьми' речь идет о дочери и сыне одних родителей, то в сочетании *айы-ё-мумы-ё ныл-пи-ос* 'имеющие родителей дети' говорится о многих детях и, возможно, о разных родителях. При этом показатель Pl. -ос оформляет парное слово целиком. В нен. языке слово *небяха-нисяха* 'родители' (*небяха* 'мать', *нисяха* 'отец') употребляется всегда в Du (Sg отсутствует). То же самое наблюдается в лесном диалекте ненецкого языка: *немяха-нешаха* (Du) 'родители' (от *немя* 'мать, мама', *неша* 'отец, папа'). О своеобразии категории числа в сельк., где среди терминов родства преобладают отдельные слова или их сочетания, уже было сказано (см. выше примеры *amal'myqāqī* или *apal'myqāqī* 'родители').

Наряду с парными словами и словосочетаниями, означающими родство и свойство, в финно-угорских языках широко распространены и *отдельные слова* со значением родственных отношений. Некоторым из них свойственно так называемое *эллиптическое множественное*.

Эллиптическое множественное (ср. лат. *patres* 'отец и мать, родители; отец и др. предки', букв. 'отцы') существует практически во всех уральских языках. Так, в ижемском диалекте к.-з. записан диалог: мальчик на вопрос *Köni mam-ыд?* 'Где твоя мать?' отвечает: — *Ыджыд ай-яс-ө мунис*. — 'К моим дедам ушла' (букв.); *батьёяс* 'отец и другие' (с. Лёждуг на Печоре, ПМА 1968). Это число встречается и со словами свойства: удм. *вармай-ёс доры мыныны* 'к родственникам жены идти'⁵ (*вармай* 'тесть', а *вармайёс* (Pl) 'ро-

⁵ Для многих уральских языков характерен обряд 'избегания', который требует, в частности, запрета называть родственников, старше тебя, по имени. В удмуртском, напр., зять не должен называть родственников, которые живут в доме тестя и старше его жены, по имени [Сий 1998: 120-121]. Те же правила поведения существуют у самодийцев — селькупов [Очерки 1980: 91], нганасан [Симченко 1974: 278-279] и др. Из этнографической литературы известно, что удмурты (и другие народы) в прошлом часто облучали взрослых

дители жены, родственники по линии жены — тесть, тёща, шурина, вся семья»). В мар. ситуация точно такая же: *Андуганов-мыт уна-ла толыныт* 'Андугановы в гости пришли' (подразумевается, что Андуганов и его близкие в гости пришли); *Маюк-мыт походыш каят* 'Маюк и остальные в поход пошли'; *Чүчү-мыт чыла родо-влакше дене пырля унала толын* 'Дядя со всеми своими родственниками вместе в гости пришел' или *Чүчү-мыт унала мемнан деке толыныт* 'Дядя со всеми близкими в гости к нам пришли'. Интересно, что с парным словом *ава-ача / ача-ава* 'родители' эллиптическое множественное с суффиксом *-мыт* невозможно. Вместо этого употребляются слова *ава-мыт* и *ача-мыт*, каждое из которых означает 'семья': *Ава-мыт ял-ышке-м канаш каеныт* 'Семья в свою деревню отдохнуть поехала' [ПМА, Старый Торъял, 2000-2001]. В сельк. в именах родства используется специальный суффикс *-sy* (обычно в сочетании с показателями *Du -syqāqī* и *Pl -sy*) со значением «взаимной собираемости в узком кругу слов-терминов родства» [Очерки 1980: 339]. Иными словами, продуктивность данного суффикса обусловлена и ограничена количеством слов лексического поля.

Последние примеры, охватывающие круг как терминов родства, так и терминов свойства (и сложных, и простых), вызывают особый интерес в семантическом плане. Не только во всех приведенных и других парных словах родства, но и в терминах свойства, происходит нейтрализация значения по полу каждого из компонентов и появляется новое кумулятивное значение сочетания в целом. Напр., ср.: мокш. *алят-тядят=алят-тидят=алят-тярят* 'родители' с возможными метатезами внутри каждой пары и *миртть-рват* 'супруги' (букв. 'муж с женой'); эрз. *тетят-покитят* (букв. 'отец-дедушка') = *покитят-бабат* (букв. 'дедушка-бабушка') 'предки' и *атят-бабат* 'супруги' (букв. 'муж с женой'); удм. *карт-кышно* 'супруги'; букв. 'муж-жена') и т. п. Аналогичная картина слитности значений в одном слове нередко представлена и среди простых имен, что будет показано в дальнейшем.

Семантические особенности терминов родства и свойства

В терминологии родства и свойства в последнее время стало активно использоваться древнеанглийское слово «сиблинг» (см., напр.,

девушек с мальчиками, которые, становясь женихами, называли своих невест апай 'тетя; сестра (старшая)' и т. п.

[Казанцев 2004; Кара-оол 2004]), отражающее *синкретизм значений* во многих словах данного лексико-семантического поля. Многие парные слова и простые — типичные «сиблинги».

Термин «сиблинг» является едва ли не основным понятием и отличительным признаком в семантическом плане систем имен родства/свойства в уральских языках. Данный термин⁶ (корень *sibb-*), известный для древнеанглийского языка, исчез вместе с древнеанглийским языком и был реанимирован в лингвистике лишь в середине XX века (в отличие от этнографии и социологии, в которых пользуются им издавна). Само слово «сиблинг» (с происшедшими в нем фонетическими изменениями) буквально означает что-то вроде 'рода / племени такого-то'.

Совпадения различных понятий, внеязыковых категорий в одной лексической форме, в одном термине, встречающиеся достаточно часто в языках мира, неоднократно привлекали к себе внимание лингвистов и вызвали терминологические споры. Есть языки, в которых существует одно наименование для желтого и зеленого цвета (селькупский язык), для синего и голубого (английский, мансийский), для красного, оранжевого и желтого (язык басса), для зеленого, голубого, синего и фиолетового (басса) и т. д. Одни лингвисты называли подобные явления нейтрализацией значений, другие говорили о синкретизме понятий или, наоборот, — об омонимии и даже *энантисемии* слов и т. д. Подобные явления в большей или меньшей степени присущи многим уральским языкам, а в них — терминам родства и свойства.

В начале XX в., почти столетие тому назад, К. Ф. Карьялайнен записал более 70 терминов родства и свойства васюганских хантов, среди которых более чем в 20 наименованиях родственников и свойственников произошло слияние нескольких понятий воедино, чему соответствовало одно простое или сложное слово, напр.: *ān'i* 'старшая сестра, младшая сестра отца, дочь младшей сестры матери, дочь старшей сестры матери, дочь младшего брата отца (но старше Ego), дочь младшего брата матери' (т.е. старшая сестра, младшая тетя по отцу, двоюродные сестры по материнской линии от теток и двоюродные сестры по отцовской и материнской линиям от

⁶ См. данный термин в недавно вышедшем словаре Владимира Орла [Vladimir Orel. A handbook of Germanic etymology. Boston, 2003, p. 320].

младших их братьев, т.е. дядей. — А. К.). Приблизительно через 50 лет Н. И. Терёшкин записал в тех же восточно-хантыйских диалектах слово *än'i* только в значениях 'старшая сестра, младшая сестра отца' [Терёшкин 1961: 128], а в словаре 1981 г. значение слова *än'i* 'тетка по отцу (старшая или младшая сестра отца)' поставлено на первое место в словаре перед значением 'сестра (вообще)' [Терёшкин 1981: 24]⁷. Спустя 16 лет после выхода в свет «Очерков диалектов хантыйского языка» (1961 г.) Н. И. Терёшкина, этнограф Н. В. Лукина публикует статью об изменениях в терминологии родства васюганских хантов, появившихся по сравнению с наименованиями родства в работе К. Ф. Карьялайнена 1913 г., без учета изменений, которые можно было уже извлечь из работы Терёшкина 1961 г. Она использует материалы, собранные ею в 1969-1971 гг., и приходит к выводу, что приблизительно за полувековой период с момента издания работы К. Ф. Карьялайнена произошло «нарушение принципа дифференциации родственников жены» [Лукина 1975: 275]. В своей статье Н. В. Лукина фиксирует появление новых описательных терминов. Они возникли в результате сочетания классификационных и индивидуальных терминов и новообразований в виде сочетаний компонентов 'большой' или 'маленький' с тем или иным классификационным термином родства⁸, причем некоторые новые термины представляют собой комбинацию русских и хантыйских слов. Автор статьи отмечает также, что «стираются границы между обозначениями параллельных кузенов по линии отца и по линии матери» и что «термины, обозначавшие прежде детей сестер матери, ... переходят из этой группы в группу обозначений детей старшего брата матери и детей старшей сестры отца» [Лукина 1975: 274]. Одновременно намечается тенденция к объединению в одну группу терминов, обозначающих детей братьев и сестер. При этом объединяющими словами выступают слова, которые раньше употреблялись лишь

⁷ Вероятнее всего, записи, производимые исследователями, делались в разных поколениях и от носителей разных поколений, но, как это будет очевидно из последующего изложения, общая тенденция изменений в данной группе слов вырисовывается достаточно четко.

⁸ Э. Сий, исследовавшая термины родства и свойства в удмуртском языке, высказала предположение, опираясь на материалы этнографов, в работах которых упоминается о многоженстве у финно-угров, что за сочетаниями слов со значением 'большая / маленькая жена' стоит указание на первую и вторую из жен [Сий 1998: 55-56 и 193].

для обозначения детей старшей сестры. Общий вывод сводится к установлению того, что «изменения в терминологии родства по линиям матери и жены происходят быстрее, чем по линиям отца и мужа» [Лукина 1975: 275]. По мнению автора, этот факт можно объяснить устойчивостью патриархальных черт в семейном быту хантов. Что касается изменений терминологии родства и свойства в рамках малой семьи, то они почти не фиксируются, свидетельствуя (как считает Н. В. Лукина) о тенденции к укреплению данной ячейки общества.

Происходят ли изменения и в каком направлении они идут в других финно-угорских языках, сказать трудно в связи с отсутствием специальных исследований в данной области за последние 100 лет, хотя существуют не изученные с этой точки зрения материалы по многим уральским языкам и большей древности, напр., «Словарь языков разных народов в Нижегородской епархии обитающих, именно россиян, татар, чувашей, мордвы и черемис (выделение мое — А. К.). ...1785-го года» [Феоктистов 1971]. В данном словаре можно обнаружить незначительное количество имен родства и свойства и среди них — несколько потенциальных слов-сиблингов. Дело в том, что русским, записывающим незнакомые слова чужого языка, скорее всего и в голову не приходило, что под одним и тем же именем родственника может «скрываться» их несколько, в связи с чем они и не допытывались, означает ли слово еще что-то. В результате в рукописи встречаются словосочетания типа: *патья авань кувалма* 'тетка по матери' и *патья тятянь кувалма* 'тетка по отцу' (*кувалма* — послелог со значением 'по кому/чему-либо'). В современном эрз. языке *патья* 'старшая сестра' и 'тетя, тетка', а парное слово *патыт-сазорт* 'сестры' (*сазор* 'младшая сестра по отношению к брату или сестре'). Иногда в «Русско-мордовском словаре», о котором идет речь, приводится (за двойной вертикальной чертой) иной смысл слова, чем тот, который указан в рукописи: «брат *аляй!*» (рукопись 1785 г.) // 'брат!' 'дядя!' (комментарий А. П. Феоктистова; видимо, эти значения можно было восстановить при работе над рукописью. В настоящее время *аля* имеет значения 'мужчина; юноша'). Точно так же слову жених в рукописи соответствовало *содамо*, в комментариях дано *содамо* 'зять'. Не было ли данное слово сиблингом? В современных мордовских языках сиблингов немного (по сравнению, напр., с пермскими языками): мокш. *алят-ават=ават-алят* 'супруги', *алят-тядят*

= *тядят-алят* 'родители', *тядят-стирьхть* 'мать с дочерью', *тядят-цёрат* 'мать с сыном'; эрз. *урьват-ававт* 'свекровь со снохой', *патыт-ялакст* 'сестра с младшим братом', *тетят-тейтерть* 'отец с дочерью/с дочерьми', *тетят-цёрат* 'отец с сыном' и др.⁹ В шести последних парных словах соблюдается, как и в санскрите, порядок расположения компонентов парного (сложного) слова в соответствии со старшинством родственников или свойственников.

Слияние в одном термине нескольких значений, как это отмечалось для хантыйского языка, в эрз. встретить трудно, а те примеры, которые можно найти в словаре, как правило, оказываются таковыми только в словаре: разные значения свойственны разным диалектам, как в слове *ялакст* 1) 'младший брат по отношению к сестре' (литературная норма); 2) 'сестра (диалектное слово, Атяшевский р-н)'; 3) 'младший брат' (диалект Салд. — расшифровка отсутствует, в списке сокращений нет) [Эрзянь-рузонь валкс 1993: 801-802].

Удмуртской номенклатуре родства не свойственен принцип полового разделения родственников (ср. приведенный выше пример: *вармайёс* (Pl) 'родители жены, родственники по линии жены — тесть, тёща, шурин, вся семья'), но в говоре Увинского р-на Удмуртии произошла дифференциация по полу. Здесь существует различие названий двоюродных и троюродных братьев и сестер: лица мужского пола (сын сестры матери, сын сестры или брата, двоюродный или троюродный брат, т.е. племянники) называются *čižog*, а лица женского пола (дочь сестры матери, дочь брата матери, двоюродная и троюродная сестра, т.е. племянницы) обозначаются термином *čižodik* [Тепляшина 1968]. При определении значения того или иного термина необходимо помнить о поле Ego: так, для дяди по линии отца Ego мужского пола будет *вын*, а пол Ego для теток по отцовской линии — *эке* [Сий 1998: 147]. Столь же важно учитывать родство по крови или по браку, по отцу или матери, прямое или побочное родство, возраст¹⁰ в рамках поколения, само поколение и возраст Ego, а также диалект, в котором собирается материал. При-

⁹ Ср. также в ваховском диалекте хантыйского языка: *сйт* 'мать с детьми, семья по матери' [Терешкин, Сподина 1997].

¹⁰ Ситуация, характерная для удмуртского языка, отмечается и в мордовских языках, где наименования снох были связаны с возрастной структурой семьи и от нее же зависели права и обязанности снохи в большой семье [Мокшин 1991]: *маза* 'жена старшего брата по отношению к младшим братьям и сестрам' (букв. 'красивая'); *тязя* 'жена второго брата по

ходитя признать также вслед за Э. Сий, что качество получаемых данных зависит от возраста собирателей терминологии родства и уровня его знаний не меньше, чем от самих информантов (напр., старшее поколение русскоязычных исследователей знает: свекру жена сына будет *сноха*, а свекрови — *невестка*, что сейчас забыто уже не только молодым, но и средним поколением. Точно так же в мокш. *рвьяня* — это 'невеста' (этно.); 'невестка; сноха', что указано в Мокшень-рузонь валкс [Мокшанско-русский словарь. — М., 1998], но не известно молодым носителям языка.

Несмотря на множество затронутых проблем, еще больше остается их за рамками статьи. К таким загадкам можно отнести, напр., вопрос: будут ли дети одного отца от разных матерей сиблингами? Этот вопрос возникает при обращении к словарю личных имен удмуртов [Атаманов 1990], где для имени Кудаш указано его происхождение из др.-тюрк. *кудос-кундас*, означающего как раз родных детей отца относительно не только их сводных братьев и сестер, но и пасынков и падчериц отца.

Парные слова уральских языков (и в том числе слова, стоящие за термином «сиблинг») имеют еще много тайн, проникнуть в которые можно лишь объединенными усилиями лингвистов и этнографов.

ЛИТЕРАТУРА

- Акашкина Р.И. Термины родства в мокшанской свадебной поэзии // Прибалтийско-финское языкознание. Сборник статей, посвященный 80-летию Г.М. Керта. — Петрозаводск, 2003, с. 141-144.
- Атаманов М.Г. Удмурт нимбугор. Словарь личных имен удмуртов. — Ижевск, 1990.
- Барроу Т. Санскрит. — М., 1976.
- Бенвенист Э. (1970). Словарь индоевропейских социальных терминов. — М., 1995.
- Казанцев А.Ю. Термины родства и свойства в енисейских языках (типологический, этимологический и ареальный анализ). АКД. — Томск, 2004. 21 с.
- Кара-оол Л.С. Термины родства и свойства в тувинском языке. АКД. — М., 2004. 24 с.

старшинству по отношению к братьям и сестрам' (букв. 'крепкая, здоровая'); *вяжя* 'жена третьего брата...' (от мокш. *вяжлав* 'ловкая, шустрая, бойкая'); *пава* 'жена четвертого брата...' (букв. 'хорошая'); *тятя* 'жена пятого брата' (значение термина забыто) [Акашкина 2003, с. 143].

- Кочергина В.А. Введение в языкознание (материалы к курсу для востоковедов). — М., 1970.
- Кочергина В.А. Словообразование санскрита. — М., 1990.
- Кочергина В.А. Учебник санскрита. — М., 1994.
- Кузнецова А.И. Эволюция категории двойственного числа в баишенском говоре туруханских селькупов // Самодийцы. — Тобольск - Омск, 2001: 217-220.
- Лукина Н.В. Изменения в терминологии родства васюганских хантов // СФУ, 1975: 271-275.
- Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. — М., 1960.
- Мокшин Н.Ф. Тайны мордовских имен: исторический ономастикон мордовского народа. — Саранск, 1991.
- Очерки 1980 — Кузнецова А.И., Хелимский Е.А., Грушкина Е.В. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. I — М., 1980.
- ПМА — полевые материалы А.И. Кузнецовой: 1968 с. Леждуг Усть-Цилемского р-на Коми АССР; 1998, 1999, 2003 с. Фарково Туруханского р-на Красноярского края; 2002 с. Красноселькуп ЯНАО Тюменской обл.; 2000, 2001 с. Старый Торъял Новоторъяльского р-на Марий Эл; 2002 с. Еремеево Печорского р-на Коми республики; 2003 с. Шамардан Юкаменского р-на Удмуртии.
- Сий Энико. Термины родства и свойства в удмуртском языке. — Budapest, 1998.
- Тепляшина Т.И. Загадочные термины родства в удмуртском языке // СФУ, 1968, 4: 263-267.
- Терёшкин Н.И. Очерки диалектов хантыйского языка. Ч. I. Ваховский диалект. — М.-Л., 1961.
- Терёшкин Н.И. Словарь восточно-хантыйских диалектов. — Л., 1981.
- Терёшкин Н.И., В.И. Сподина. Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский (ваховский диалект). — Нижневартовск, 1997.
- Тужаров Г.М. Абессив в марийском национальном языке // СФУ, 3, 1983: 173-183.
- Феоктистов А.П. Русско-мордовский словарь. Из истории отечественной лексикографии. — М., 1971.
- Эрзянь-рузонь валкс. Эрзянско-русский словарь. Под ред. Б.А. Серебренникова, Р.Н. Бузаковой, М.В. Мосина. — М., 1993.

Сокращения

- Abess. Abessivus
 Du Dualis
 Car. Caritivus
 Com. Comitativus
 Instr. Instrumentalis
 Pl. Pluralis
 Sg Singularis

М. Н. Славятинская

ИЗОБИЛЮЩАЯ ГРАММАТИКА ГОМЕРОВСКОГО ЯЗЫКА: ЗНАЧЕНИЕ И СМЫСЛ

Обсуждаемой на протяжении веков проблемой гомеровского языка является объяснение присутствия в нем многочисленных грамматических дублетов, с синхронной точки зрения представляющихся избыточными. Ср. Ἀτρεΐδης и Ἀτρεΐων 'Атрид', ἄνδρες и ἄνδρες 'мужи', ὔμεις и ὑμεῖς 'вы', формы с аугментом в исторических временах и без него, формы сослагательного наклонения с долгим и кратким соединительным гласным и т. п. Их присутствие в тексте (конечно, наряду с недублетными формами) было и остается стимулом для огромного числа исследований в самых разнообразных направлениях.

1. Благодаря расцвету сравнительно-исторического языкознания в XIX—XX вв. установлена гетерохронность всех уровней гомеровского языка.

2. Доказана, если так можно сказать, гетерохорность (от $\chi\acute{o}\rho\alpha$ — 'страна, территория'), или гетеротерриториальность развития греческого эпического языка. В силу этого обстоятельства гомеровский язык, ионийский в своей основе, содержит также словоформы других диалектов, в первую очередь эолийского.

3. Аспект, который можно было бы назвать историко-просодическим, исследует историю греческого гексаметра и влияние метрики на употребление словоформ.

4. Традиционным является вопрос об авторстве поэм («гомеровский вопрос») и о сути деятельности аэдов при устной не просто форме, но стадии существования языка.

5. Исследуется проблема «филологических знаний» во времена создания эпических сказаний. Тезис об отсутствии понятий о фоне-